

УДК 1(091)

В.В. ПРОКОПЕНКО

РИТОРИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ПЛАТОНА В ДИАЛОГАХ РАННЕГО ПЕРИОДА

Прокопенко Владимир Владимирович – доцент кафедры гуманитарных дисциплин, юридической журналистики и языковой подготовки Харьковского национального университета внутренних дел

Стаття присвячена дослідженню риторичних практик, які використовує Платон в своїх ранніх діалогах. Автор стверджує, що риторика Платона має педагогічне призначення.

Ключові слова: діалог, риторика, іронія, драматургія.

Статья посвящена изучению риторических практик, которыми пользуется Платон в своих ранних диалогах. Автор утверждает, что риторика Платона имеет педагогическое предназначение.

Ключевые слова: диалог, риторика, ирония, драматургия.

The article is devoted to the study of rhetorical practices used by Plato in his earlier dialogues. The author argues that the rhetoric of Plato has the pedagogical purpose.

Keywords: dialogue, rhetoric, irony, dramatic structure.

© В.В. Прокопенко, 2012

Постановка проблемы. В нашей статье мы предпринимаем исследование проблемы сути и предназначения риторических средств, используемых Платоном в диалогах раннего периода. Постановка данной проблемы предопределена необходимостью более внимательного изучения литературно-художественной формы платоновских диалогов, о необходимости которого неоднократно говорил еще А.Ф. Лосев. Направленность данной статьи определяется также необходимостью серьезного пересмотра подходов к исследованию творчества античных философов, сложившихся в отечественной историко-философской науке в последние несколько десятилетий, когда преимущественное внимание уделялось идейному содержанию античного философствования, которое совершенно искусственным образом изымалось из живой ткани античного философствования и усилиями историков сводилось в абстрактную теоретическую систему. Особенно очевидна неестественность подобного подхода в случае с Платоном, который никогда не был абстрактным мыслителем. Сама форма платоновского текста, необычная и провоцирующая, свидетельствует о том, что текст Платона – не просто оболочка для его мысли.

Анализ последних исследований и публикаций. Обзор основных работ в этой области позволяет констатировать, что в последней четверти XX – начале XXI вв. в мировом платоноведении произошел своего рода «нарративный поворот», когда появились многочисленные исследования поэтики, драматургии и риторики Платона [см.: 13; 16; 17; 21]. Драматургическое, или жанровое прочтение платоновских диалогов к исходу XX века усилиями таких видных его сторонников, как Ч.Кан, Дж.Пресс, В.Техера, М.Мак-Кой стало доминирующим даже в англо-американском платоноведении, где раньше безраздельно господствовала аналитическая традиция. К сожалению, отечественная историко-философская наука практически не отреагировала на новейшие тенденции

в мировом платоноведении, продолжая некритически ориентироваться на безнадежно устаревший неокантианский и позитивистский образ Платона, приправленный попперовской карикатурой [10]. Блестящая статья Т.А. Миллер [7] и в начале XXI в. продолжает оставаться чуть ли не единственным исключением в этой картине.

Цель исследования. В нашей статье мы ставим перед собой следующие цели:

рассмотреть происхождение и значение для Платона диалогической формы его текстов;

обратить внимание на специфику диалогизма в ранних диалогах Платона, обратившись к прагматике платоновских текстов;

понять поэтику и драматургию диалогов в качестве условий и формы осуществления риторических практик;

провести общую каталогизацию риторических фигур и тропов, используемых Платоном в ранних и переходных диалогах.

Изложение основного содержания исследования. Когда мы говорим о риторических практиках Платона в ранних диалогах, мы сталкиваемся с проблемой хронологии платоновских диалогов – одной из наиболее далеких от разрешения проблем платоноведения. У исследователей нет согласия относительно того, какие диалоги следует считать ранними. Мы принимаем выделение данных диалогов и его обоснование, принятое Грегори Властосом, одним из наиболее авторитетных авторов в этой области [22, с. 46 – 47]. Почему мы обращаем внимание именно на эту группу диалогов, ведь многие из них в то или иное время признавались неподлинными, а все вместе они традиционно считаются менее важными, чем зрелые или поздние? Выразительную оценку дала этим диалогам (в первую очередь, «раннего» и «малого» Платона) известный филолог, переводчик платоновских «Кратила» и «Теэтета» Т.В. Васильева: «Для историка философии – это драгоценные свидетельства относительно методов работы в философских шко-

лах платонического направления, однако к характеристике самого Платона они прибавляют сравнительно мало <...> помимо учебного назначения, они имеют яркую историческую характерность и могут служить также пособиями для изучения эпохи возникновения и формирования афинской школы философствования с ее преимущественно гуманитарной, политической и логической направленностью» [2, с. 247]. Т.В. Васильева совершенно точно подметила то обстоятельство, которое для нас делает эти диалоги особенно ценными: они имеют ярко выраженную педагогическую направленность. Мы считаем, что платоновские диалоги должны прочитываться прагматически, с точки зрения их роли и в контексте их использования в воспитательной практике Платона, в Академии и вне нее.

Из этого следует, что вся выразительная сторона платоновского творчества направлена на убеждение и вовлечение ученика в майевтическую деятельность, то есть, не столько на передачу определенных знаний, сколько на достижение уверенности в том, что предложенный учителем дискурс способен привести к истине. Иначе говоря, содержательная сторона в них подчинена стороне формальной, а применение разнообразных художественных средств подчинено риторической задаче, в свете достижения которой эти средства выразительности можно рассматривать в качестве риторических тропов и фигур.

Взгляд на платоновские произведения с точки зрения их формы показывает, что именно ранние диалоги в наибольшей степени демонстрируют богатство арсенала выразительных средств языка, драматургии, риторики и поэтики Платона. Выбор Платоном выразительных средств в его ранних диалогах определяется, во-первых, теми возможностями, которые были предоставлены ему историческим развитием греческой словесности IV в. до н.э.; во-вторых, способом репрезентации учения Платона в Академии и за ее пределами и, в третьих, предназначением этих диалогов, вне зависимости от устной или письменной формы их исполнения.

Диалог. Сократ и драматизм платоновского диалога.

Первый вопрос, возникающий при обращении к сочинениям Платона, связан с самой их формой: для чего Платону потребовалось обращение к диалогу, который явно не является оптимальным жанром для ясного и последовательного изложения системы философских взглядов? Не случайно, что в философии жанр диалога использовался достаточно редко: подражания Платону у Дикеарха и Гераклида Понтийского, псевдодиалоги Августина, Григория Нисского и Ансельма Кентерберийского (на самом деле – авторитарнодидактические изложения), диалоги-дискуссии у Абельяра, Бруно и Мальбранша, примеры отдельных работ в жанре диалога Беркли, Шеллинга и Сквороды – вот, пожалуй, и все. Платон, таким образом, представляет собой чуть ли не единственный пример философа, выбравшего диалог в качестве основной формы представления своего учения.

Именно ранние диалоги оказываются наиболее

ярким выражением платоновского диалогизма, по мере приближения к среднему и позднему периоду сочинения Платона приобретают все большую повествовательность, которая уже почти полностью вытесняет всякое столкновение мнений в «Тимее» и абсолютно доминирует в «Законах», которые, в отличие от «Пира» или «Федра», вряд ли способны увлечь читателя своими литературными достоинствами. В отношении к диалогу Платон выступает одновременно и новатором, и традиционалистом: конечно, диалогическая форма не была изобретена Платоном. «Первым сочинять диалоги стал, говорят, Зенон Элейский; а по Аристотелю – Алексамен Стирийский или Теосский (по свидетельству в «Записках» Фаворина, об этом говорится в I книге «О поэтах») – сообщает Диоген Лаэртский [4, с.149]. Здесь Диоген не говорит о том, что до сократиков термин «диалог» (δύλογος) уже применялся в отношении Гиппия, Протагора и Горгия.

Другие ученики Сократа (Евклид Мегарский, Антисфен Афинский, Федон из Элиды, Эсхин) также пользовались формой диалога, который явно не воспринимался ими как новация, жанр диалога был им знаком по театральным представлениям и литературе. Но никогда ранее диалоги не использовались для выражения философского содержания. Такая склонность к непростой форме написания философских произведений, общая для большинства философов – учеников Сократа, заставляет предположить, что диалоговая форма (вместе со всеми сложностями отношений автора и персонажей, персонажей и их исторических прототипов и т.д.) представлялась им необходимой для сохранения и защиты наследия Сократа. В противоположность наставительным речам учителей, риториков и софистов, сократовское искусство заключает в себе то напряженное движение мысли от одного преодоленного затруднения к другому, которое исчезает при простой записи слов учителя. В майевтической процедуре участие ученика-собеседника необходимо в такой же степени, как и учителя. Поэтому Сократ в платоновских диалогах играет ту роль, которую задал исторический Сократ: он – учитель (собственно, это почти единственное, что мы достоверно знаем о нем), который не занимается нападением, но беседует, не читая проповедей. В диалогах Сократ не представляет окончательную инстанцию истины, его реплики существенно привязаны к репликам его собеседников – так создается возможность вхождения читателя в общее обсуждение проблемы.

Первой и самой очевидной темой этих диалогов является тема сократического воспитания. В соответствии с платоновским пониманием мудрости как качества души, причастной благу, обучение выступает как воспитание души (ψυχαγωγία [Phaedr 261.a, 271.c]), в этом смысле пайдейя Платона совпадает с понятием философии как таковой¹. Нет воспитания без учителя, поэтому нельзя пройти мимо традиции, которая уже давно и привычно называет ранние диалоги Платона сократическими. Необходимо вспомнить слово, которое тесно связывает нас с Сократом – ирония, которое только в сократических сочинениях теряет отрицательные

коннотации. Ирония, главная риторическая фигура, используемая Сократом, становится у Платона двойной: если о Сократе никогда нельзя сказать, говорит ли он всерьез, то в диалогах никогда нельзя утверждать, что Сократ говорит от имени Платона и что Платон согласен с главным своим персонажем.

Анонимность Платона.

Давно замечено, что сам Платон ни в одном из своих диалогов не появляется в качестве персонажа. Более того, во всех диалогах (платоновские письма мы, по понятной причине, из рассмотрения здесь исключаем) само имя Платона упоминается считанные разы – два раза в «Апологии Сократа» [Apol. 34.a.1; Apol 38.b.6] и один раз – в «Федоне» [Phaed. 59.b.10]. Ясно, что такая последовательная уклончивость не может быть случайной и за ней стоит определенный авторский замысел. Согласно наиболее распространенной еще со времен античности гипотезе, Платон поручает в диалогах роль транслятора своих мыслей Сократу. Эта версия имеет и в настоящее время широкое распространение, что объяснимо: исторические свидетельства современников о Сократе скудны, и для нас Сократ в первую очередь – действующее лицо платоновских диалогов. Разделение собственно сократовского и платоновского в речах этого персонажа еще в XIX веке было признано трудной и вряд ли вообще разрешимой задачей. Поэтому большинство исследователей XX в. склонялось к позиции: платоновский Сократ – фигура абсолютно несамостоятельная и мы не найдем в его рассуждениях ничего, что отличало бы его взгляды от взглядов Платона. Г. Властос утверждает, что «Платон в каждом диалоге заставляет Сократа говорить только то, что, по мысли Платона, при написании данного диалога, является разумным для защиты и объяснения его (т.е. Платона) собственной философии» [23, р. 125]. Однако есть авторы (Ч.Кан, Т.Брикхаус, Н.Смит) не принимающие этот «принцип рупора» («mouthpiece principle»). Они указывают на то отмеченное нами выше обстоятельство, что монологичная форма изложения взглядов при таком понимании роли Сократа в диалогах была бы во всех отношениях более приемлемой, тогда как, выбранная Платоном форма диалога заставляет думать, что для автора диалогов было принципиально важным создание поля, в котором были бы уместны и ирония, и метафоричность, и целостные эпидейктические речи – вся палитра риторического инструментария.

Нам также представляется, что Сократ в диалогах не может претендовать на роль выразителя некоей окончательной истинной точки зрения. Достаточно взглянуть на выступления Сократа в отрыве от высказываний прочих персонажей: Сократ по преимуществу задает вопросы, находит ошибки и противоречия у своих собеседников. Крайне редко он излагает что-то, что может рассматриваться, как осмысленное сообщение, но даже в этих случаях он предпочитает делать вид, что пересказывает чужие речи (явно вымышленная Диотима в «Пире» или много раз упоминаемые безымянные «древние»). Конечно, в еще меньшей

мере могут претендовать на роль рупора платоновского учения другие действующие лица диалогов, роль которых, на первый взгляд, сводится только к тому, чтобы соглашаться с Сократом и послушно предоставлять ему для опровержения откровенно слабые суждения. Таким образом, оказывается, что ответственных за идейное содержание диалога попросту нет, Платон сознательно поддерживает состояние неопределенности, когда неясно, кому именно принадлежат те или иные из высказанных мыслей. Именно поэтому часто теории, которые традиция считала специфически платоновскими, оказываются вовсе ему не принадлежащими. Какую цель преследует Платон, используя эту фигуру умолчания об авторе, мы поймем, обратившись к известному пассажиру из Седьмого письма: «Вот что вообще я хочу сказать обо всех, кто уже написал или собирается писать и кто заявляет, что они знают, над чем я работаю, так как либо были моими слушателями, либо услышали об этом от других, либо, наконец, дошли до этого сами: по моему убеждению, они в этом деле совсем ничего не смыслят. У меня самого по этим вопросам нет никакой записи и никогда не будет. Это не может быть выражено в словах, как остальные науки; только если кто постоянно занимается этим делом и слил с ним всю свою жизнь, у него внезапно, как свет, засиявший от искры огня, возникает в душе это сознание и само себя там питает [Ep. 341.b – d]. Таким образом, Платон перемещает диалог в пространство коммуникации «читатель – текст», создавая своей анонимностью эффект свободного смыслотворчества в процессе чтения.

Незавершенность диалогов.

Практически о каждом из ранних диалогов можно повторить сказанное А.Ф. Лосевым о «Пармениде», что тот «...не содержит в себе ровно никаких общих выводов, и в диалоге нет никакого обобщающего заключения» [5, с. 605]. Как правило, сюжет ранних диалогов строится вокруг определения какого-либо понятия (мужество (ἀνδρεία) в «Лакхете», дружба (φιλία) – в «Лисиде», благоразумие, рассудительность (σωφροσύνη) – в «Хармиде», благочестие (ἀσiette) – в «Евтифроне»). Вполне логичным заключением каждого из этих диалогов было бы правильное общее определение, ведь сократовская майевтика как раз и ставит перед собой цель наведения на общие определения. Но ни в одном из диалогов этого не случается. Большинство из них заканчивается без окончательного вывода, часто Платон просто прерывает рассуждения каким-нибудь резким сюжетным ходом. Мы считаем, что такой драматургический прием сознательно применяется Платоном, который исходит при этом из понимания того, что сама философская природа вопросов, обсуждаемых в диалогах, не предполагает возможности окончательного ответа на них. Таким образом, Платон оставляет диалоги принципиально открытыми, предлагая множество различных путей дальнейшего развития мысли.

Незавершенность платоновских диалогов указывает, по нашему мнению, на то, что выразительные убеждающие средства, используемые в тексте, подчинены главной задаче

включения слушателя (читателя) в некое диалектическое упражнение. Именно читатель является важнейшим персонажем диалога, не присутствующим, однако, в тексте. И именно этим обстоятельством объясняется принципиальная неполнота платоновских текстов: Платон оставил нам не изложения системы идей, подобные современным философским монографиям, это скорее сценарии упражнений (или же записанные учениками воспоминания о состоявшихся упражнениях), которые еще предстоит всякий раз отыграть заново. Нам представляется уместной аналогия текста такого типа с партитурой музыкального произведения, которая принципиально не может быть исчерпана никаким, даже совершенным, исполнением.

Литературная рамка диалога.

У исследователей платоновского творчества давно вызывает интерес одна особенность их композиции – обрамление обсуждения философских проблем сюжетным вступлением и заключением, которые, как кажется, никак не связаны с основным содержанием диалога. Вот как описывает это затруднение известный платоновед Ф. Гонзалес: «Во многих диалогах Платона начало философских дискуссий не совпадает с началом собственно диалога. Эти диалоги начинаются с более или менее детального описания обстановки и характеров, здесь также ведутся дискуссии вокруг случайных, нефилософских тем, которые не связаны напрямую с философскими проблемами, представленными в центральной части диалога. Являются ли эти «прологи» просто попыткой приготовления к главной дискуссии, придающей ей реалистический характер или же они действительно представляют собой важный вклад в философское содержание основной дискуссии?» [12, с. 15].

Надо сказать, что споры о роли прологов в платоновских диалогах велись уже в древности [20, с. 39 – 40] и некоторые из интерпретаторов Платона (например, Прокл в комментарии к «Пармениду») полагали, что эти фрагменты следует трактовать в предельно широком смысле, как некое символическое выражение основной идеи произведения. К такой трактовке, как мы считаем, следует подойти со вниманием, она позволяет объяснить многие странности в драматургии диалогов. К примеру, поведение Сократа в диалоге «Горгий», где он ведет себя довольно странно: он зачем-то всячески демонстрирует свое уважение к присутствующим софистам, он почему-то корректен более чем обычно по отношению к своим главным оппонентам и практически не допускает прямых выпадов в их адрес, всячески подчеркивая свое уважение к опыту и искренности как Горгия и Пола, так и Протагора, часто уклоняется от возражений, ссылаясь на свою непонятливость и даже называет их своими друзьями [Gorg. 487.b]. Но при этом диалог начинается фразой Калликла, в которой слова, звучащие как девиз или эпитафия к диалогу: «На войну и на битву...» («Πολέμου καὶ μάχης...») выражают сильное внутреннее напряжение диалога. Действительно, за внешней сдержанной доброжелательностью персонажей скрывается жесткое столкновение с софистами, наполненное внутренним драматизмом,

в котором Платон отстаивает перед лицом софистического релятивизма главную идею не просто своего учения – он, без преувеличения, выступает защитником философии как таковой. Таким способом пролог указывает внимательному читателю на действительное содержание диалога еще до того, как тот приступит к его последовательному прочтению.

То же можно сказать и о завершениях диалогов. Последние слова Платона, которые часто просто обрывают изложение, заставляют вспомнить о риторическом законе «края», согласно которому впечатление от выступления определяется, по преимуществу, вступлением в речь и заключением, выходом из нее. Смягченный тон некоторых софистических диалогов скрывает ожесточение, прорывающееся во вводных и заключительных словах, которые и формируют отношение читателя к разговору, происходящему в них. Так, «Гиппий Большой», где Сократ, в общем, также не позволяет себе открытого противостояния с софистами, заканчивается абзацем, в котором прорывается вдруг настроение совершенной непримиримости к оппонентам: «Как же ты будешь знать, – говорит он, – с прекрасной речью выступает кто-нибудь или нет, и так же в любом другом деле, раз ты не знаешь самого прекрасного? И если ты таков, неужели ты думаешь, что тебе лучше жить, чем быть мертвым?» [Hr.Ma.304.e].

Иносказания. Мифы.

Различные формы иносказаний, которые использует Платон, многочисленные мифы, часть из которых он придумывает самостоятельно, представляют собой, безусловно, свидетельства блестящего литературного мастерства Платона. Но распространную точку зрения о том, что их задачей было придание мысли Платона большей доступности, мы категорически не можем принять. Многим из нас известно чувство, возникающее иногда при чтении платоновских диалогов, о котором А.Ф.Лосев сказал: «...Часто он буквально раздражает своими постоянными отклонениями от последовательного хода мысли, перерывом на самом интересном месте, запутанными и неожиданными поворотами в намерениях спорящих лиц» [6, с. 660]. Ни аллегории, ни мифы не являются также свидетельствами теоретического бессилия Платона в его попытках дать четкое логическое объяснение трудных вопросов.

Мысль о том, что слова платоновских диалогов скрывают не меньше, чем открывают, была известна уже древним. Афиней говорит: «Даже обещанные им самим рассуждения о человеке нам приходится выискивать в его сочинениях, – среди описаний пиров да малопрстойных рассуждений о любви. Все это сочинил он, глубоко презирая будущих читателей...» [1, с.198]. Попытка понять причины, по которым учение Платона скрывается им за мифами, аллегориями и умолчаниями, стала побудительной причиной т.н. тюбингенской революции в платоноведении, начавшейся в конце 50-х годов XX века с выходом в свет работ Ганса-Иоахима Кремера и Конрада Гайзера, которые предложили радикально новое отношение к платоновскому

наследию. В центре тьюбингенской доктрины находится идея отказа от поиска истинного учения Платона внутри диалогов. Она также привлекла внимание к свидетельствам древних авторов о некоем эзотерическом учении Платона, которое будто бы распространялось внутри Академии и довольно сильно отличалось от того, что представлено в диалогах. Из этих сообщений наибольшее значение имеют, конечно, свидетельства Аристотеля. Так, в «Физике» он упоминает о неписанных учениях Платона, «*ἄγραφα δόγματα*» [Ph. 209 b.15], а та критика, которая разворачивается в «Метафизике» (книги М и N), выглядит направленной на учение, весьма заметно отличающееся от того, что знакомо нам по текстам платоновских диалогов.

Весьма популярной в англоязычном научном мире стала гипотеза Лео Штрауса о платоновском эзотеризме [19], которая привлекла столько сторонников, что в платоноведении появился новый термин *straussianism* для обозначения этого идейного движения. Штраус предполагает, что Платон выработал цельное учение отчетливой политической направленности, по своей идеологии неприемлемое в условиях Афин, современных Платону. Именно для того, чтобы избежать судьбы своего учителя, Платон вынужден был маскировать свое учение трудно истолковываемыми аллегориями, метафорами и мифами (независимо от Лео Штрауса к такой же гипотезе и сходным выводам пришел в 80-х гг. прошлого века А.Т. Геворкян [3]). Следовательно, риторика Платона есть не что иное, как маскировка или кодировка истинного его учения. Для раскодирования платоновской тайнописи Штраус предлагает особый метод чтения диалогов, «чтение между строк» [18].

Мы считаем, что, несмотря на ослабление интереса к гипотезе об эзотеризме Платона в последние два десятилетия, эта концепция еще не исчерпала себя, однако, применительно к ранним диалогам, она изначально не была эффективной. Дело в том, что, для того, чтобы скрыть некое целостное учение в риторических фигурах, метафорах и аллегориях, необходимо, чтобы это учение уже ранее оформилось в понятийной форме и сам автор четко мыслил о том, что именно он пытается скрыть. Таким условиям явно не соответствует творчество раннего Платона, у которого в распоряжении попросту не было устоявшейся философской терминологии.

Выводы. Подводя итоги, мы должны отметить, что проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

доказана существенная важность поэтики и драматургии диалогов Платона, которые представляют собой составную часть его педагогической стратегии, направленной на воспитание особого, философского. типа души;

метафоры, аллегории, ирония, особо широко используемые Платоном в ранних диалогах, не являются ни средствами кодирования истины (как считают сторонники эзотерической гипотезы), ни простыми украшениями для абстрактной теории – они представляют собой инструменты для прямого эмоционально-психологического воздействия на читателя;

с помощью риторических тропов и фигур, на основе развитого диалогизма, используя мифы, намеки, иносказания, Платон вовлекает слушателей и читателей в процесс философствования как совместного духовного упражнения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Здесь и далее Платон цитируется указанием на пагинацию Стефануса по изданиям в переводе на русский язык под ред. В.Ф.Асмуса и А.Ф. Лосева [8; 9] и в серии Loeb Classical Library (древнегреческий и в переводе на английский язык) [14; 15].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Афиней. Пир мудрецов (кн. IX – XV) / Афиней; [Перевод и прим. Н.Т. Голинкевич]. – М.: Наука, 2010. – 597 с.
2. Васильева Т.В. Путь к Платону / Т.В. Васильева // Поэтика античной философии. – 2008. – М. – С. 217 – 397.
3. Геворкян А.Т. Иносказания Платона / А.Т. Геворкян. – Ереван: Айастан, 1987. – 193 с.
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Диоген Лаэртский [Ред. тома и автор вступ. Ст. А.Ф. Лосев; Перевод М.Л. Гаспарова]. – М.: Академия наук СССР; Институт философии; Мысль, 1986. – 571 с.
5. Лосев А.Ф. Критические замечания к диалогу «Парменид» / А.Ф. Лосев // Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 2 / СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. – С. 604 – 616.
6. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.
7. Миллер Т.А. Об изучении художественной формы платоновских диалогов / Т.А. Миллер // Новое в современной классической филологии. – М.: Наука, 1979. – С. 82 – 88.
8. Платон. Диалоги / Платон; [пер. с древнегреч. Сост., ред. и авт. вступ. статьи А.Ф.Лосев]. – М.; Мысль, 1986. – 607 с.
9. Платон. Сочинения: в 4 т. / Платон; [Под общей редакцией А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Перевод с древнегреч.]. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; Издательство Олега Абышко, 2006 – 2007.
10. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2-х т. // [Перевод В.Н. Садовского]. – М.: Изд. Международный фонд «Культурная инициатива»; Soros foundation USA, 1992.
11. Слезак Т.А. Как читать Платона / [Перевод с нем., предисл. и примеч. М.Е. Буланенко]. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. – 314 с.
12. Gonzalez F. How to Read a Platonic Prologue: Lysis 203a–207d / F.J. Gonzalez // Plato as author: the rhetoric of philosophy [edited by Ann N. Michelini]. – Leiden; Boston: Brill, 2003 P. 15 – 44.
13. McCoy M. Plato on the Rhetoric of Philosophers and Sophists. / Marina McCoy. – New York: Cambridge University Press, 2008. – 212 p.
14. Plato. Charmides, Alcibiades I and II, Hipparchus, The Lovers, Theages, Minos, Epinomis / Plato; [With an English Translation by W.R.M. Lamb]. – London: William Heineman. – New-York: G.P. Putnam's Sons, 1927. – 520 p. – (The Loeb Classical Library)
15. Plato. Lysis. Symposium. Gorgias / Plato; [With an English Translation by W.R.M. Lamb]. – Harvard: Harvard University Press, 1925. – 560 p. – (The Loeb Classical Library)
16. Plato's dialogues: new studies and interpretations / [edited by Gerald A. Press]. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers Inc., 1993. – 277 p.
17. Press G. Plato: A Guide for the Perplexed / Gerald A. Press. – London & New York: Continuum, 2007. – 240 p.
18. Strauss L. Persecution and the Art of Writing / L. Strauss. – Glencoe: The Free Press, 1952. – 204 pp

-
19. Strauss L. *Studies in Platonic Political Philosophy* / L. Strauss. – Chicago: University of Chicago Press, 1983. – 260 p.
 20. Tarrant H. *Plato's First Interpreters* / H. Tarrant. – Ithaca: Cornell University Press, 2000. – 263 p.
 21. *The Third Way: New Directions in Platonic Studies* / [ed. by Gonzalez F. J.]. – Lanham: Rowman & Littlefield, 1995. – 269 p.
 22. Vlastos G. *Socrates: Ironist and Moral Philosopher* / Gregory Vlastos. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 348 p.
 23. Vlastos G. *Socratic Studies* / G. Vlastos. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994 – 152 p.